

Antica & Poesia

КАТУЛЛ

ПОКА ЛЮБИТ
ДУША...

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 82-1
ББК 84(4Ита)3-5
К29

Катулл

К29 Пока любит душа... / Катулл. — М. : РИПОЛ классик. — 234 с. — (Antica Poesia).

ISBN 978-5-519-64505-8

Язвительный насмешник Юлия Цезаря, возлюбленный Лесбии, Гай Валерий Катулл писал свои «безделки», не задумываясь о том, что они станут излюбленными произведениями для переводов Фета, Пушкина, Тредиаковского, Брюсова и других знаковых имен русской поэзии. Легенда гласит, что он прожил короткую (едва ли больше тридцати лет), но яркую жизнь, оставив после себя несколько десятков прекрасных лирических текстов, по сей день вдохновляющих людей на мечты и философские размышления.

УДК 82-1
ББК 84(4Ита)3-5

ISBN 978-5-519-64505-8

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

*Владимиру Сергеевичу
Соловьеву*

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убью
Я при такой перекочевке,
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке!

*Воробьевка.
1885 года, 17-го мая.*

Предисловие

Применяясь к словам немецкого переводчика Ф. Гейзе, посвятившего многие годы на изучение и перевод Катулла, мы можем сказать: мы поставим этого римско-русского поэта, как двуликую герму в преддверие нашей словесности. Во внутренние покои проникают лишь редкие шаги; лишь на пороге желает он стоять в качестве привратника, возбраня излишний прилив непосвященным и ободря истинных учеников. Вы же, юноши, на которых, как на носителях грядущего, лежит между прочим и обязанность дальнейшего развития искусства, благодушно приступите. Полюбите небольшую книжку, если успеете, и если можно чему-либо из нее научиться, то пусть это будет то самое, чему старались над нею научиться и мы чтению поэтов.

Если всякий человек только при помощи постепенного опыта и взаимной проверки одних чувств другими приобретает знакомство с окружающим его видимым миром, в котором начинает различать

добро и зло, то и в мире искусства невозможно ожидать, чтобы разумение приходило к нам при первом взгляде. Этот общий закон дает себя чувствовать всего более в том случае, когда мы имеем дело с произведениями, возникшими за тысячелетия среди жизни нам чуждой и неизвестной. Тут самый добросовестный переводчик помочь не в силах даже благосклонному читателю независимо от самостоятельной его работы. Истинное понимание столь отдаленных писателей никому не давалось разом и непосредственно. Изучение их всегда представляло ряд умственных трудов, из которых последующие опирались на предыдущие. И так переводчик, передавши читателю тот общий духовный портрет древнего поэта, который невольно возник в его душе, обязан приложить к тексту перевода благонадежную ариаднину нить объяснений, предоставляя будущему Тезею на собственный страх пускаться в лабиринт.

Самого переводчика можно уподобить дерзновенному водолазу, ищущему на дне морском сокрытых драгоценностей. Он приносит лишь то, что в данном случае нашел: редкостные украшения, перемешанные с изумительною дрянью, драгоценности, затонувшие при древних кораблекрушениях, огнечетные, фантастически изветвленные кораллы, истинные жемчужины в неприглядных раковинах; пусть другие разбирают, очищают и употребляют

в дело. Лично ему остается надежда, что он исполнил нечто более долговечное, чем он сам. Если бы наша литература, подобно иностранным, обладала одним или многими буквальными переводами классиков, то и тогда явился бы вопрос: согласились ли бы мы в угоду известной гладкости современного языка перефразировать (читай исказить) древнего поэта. Но в настоящем случае нас нимало не смущают упреки в шероховатости, например, нашего перевода Ювенала. Такой упрек был бы совершенно уместен, если бы мы, подобно величайшему стилисту Пушкину, брались за подражание Катулле, а не за перевод. Подражают, как хотят, а переводят как могут.

Равным образом не смущает нас и уныние знатоков при виде точно воспроизведенного русского лица нашей гермы, не имеющего бархатного налета, придаваемого мрамору крылами веков, налета, которым красуется каждая черта латинского лица того же Януса. Вообще, чем самобытнее и народнее поэт, тем менее поддается он художественному переводу.

Возможно ли переводить Пушкина, у которого и телятина и яичница, и даже ревматизм и паралич овяны невыразимой прелестью? Не верите? Попробуйте сами написать или перевести пушкинскую телятину, и тогда только вы поймете, почему Маколей каждый раз плакал от умиления, читая 8 и 76 Песни Катулла. Но из невозможности воспроизво-

дить впечатление оригинала никак не следует, что его переводить не должно или надлежит искажать. А нам, как нарочно, пришлось иметь дело с римским Пушкиным. Лучше мы не можем очертить личного и художественного характера нашего поэта. Тот и другой — светские юноши, ищущие жизненных наслаждений и умеющие находить их во всех предметах. Чистые и честные натуры, они не опирались на какую-либо сознательную этику, а руководствовались одним преемственным чувством. Оба, несмотря на небольшие наследственные имения, по врожденной беспечности, постоянно нуждались в деньгах, и Катулл, не стесняясь, бранит претора, в вифинской свите которого ему не пришлось ничем поживиться; а Пушкин добродушно сознается, что:

меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Оба они сознают и называют себя поэтами, но не считают себя записными поэтами, какими, например, были Гораций, Вергилий или Овидий. Не они искали поэзии, а она сама налетала на них, безразлично откуда, вырывая у них то сладостно-нежные и задумчивые, то игриво-забавные, то злонасмешливые стихи. С каким изумительным разнообразием придется встретиться читателю небольшой книги